

INSPIRIA

МАЛЕНЬКИЕ

ГРЯЗНЫЕ

СЕКРЕТЫ

Дженнифер
Хиллиер

INSPIRIA

Ток. Преступления страсти

Дженнифер Хиллиер

Маленькие грязные секреты

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хиллиер Д.

Маленькие грязные секреты / Д. Хиллиер — «Эксмо»,
2020 — (Ток. Преступления страсти)

ISBN 978-5-04-177436-3

Четыреста восемьдесят пять дней назад у Марин украли сына. Похитителю понадобилось совсем немного: леденец, костюм Санты и двести сорок секунд. С тех пор жизнь Марин превратилась в беспросветный кошмар. Она стала тенью себя прежней. Но новость о том, что любимый муж, оказывается, вот уже полгода спит с другой женщиной, внезапно вернула ее к жизни. Марин потеряла своего сына и не собирается терять еще и мужа. Она решается на отчаянный, безумный шаг – разобраться с соперницей. Навсегда...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-177436-3

© Хиллиер Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Часть I	12
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дженнифер Хиллиер

Маленькие грязные секреты

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается Даррену и Мокс

*Какие бы прорывы ни привели меня на этот путь, я вновь прошла
бы по нему от начала до конца и моя вечная благодарность Лори
Коссетто. Без вас я не выдержала бы сложностей этого пути.*

Глава 1

Рынок Пайк-плейс и в обычный день служит приманкой для туристов. А если к этому добавляются солнечные выходные – практически нереальные в декабре – и необходимость запоздалых покупок рождественских подарков, то вам светит провести субботу на этих девяти акрах Сиэтла в жутко оживленной и суетливой толпе.

Курточка Себастиана уже лежала в одной из сумок Марин, но мальчику все равно было жарко. Его вспотевшая ручка выskalывала из ее руки всякий раз, когда он слишком сильно дергался, пытаясь утащить маму в самом желанном направлении.

– Мамочка, мне же так хочется леденец на палочке, – второй раз, уже с надрывом, заявил Себастиан.

Он устал и начинал капризничать, но на самом деле ему уже просто хотелось спать. Однако Марин не купила последний подарок. Она гордилась тем, что делала продуманные подарки, но ее четырехлетнего сына это совершенно не волновало: Себастиан верил, что подарки приносит Санта, поэтому сейчас его интересовали только сладости.

– Бэшик, пожалуйста, еще пять минут, – раздраженно ответила Марин, – и тогда мы пойдем за твоей конфетой. Но ты должен потерпеть. Договорились?

Условие было честным, и малыш перестал хныкать. На этом рынке имелаась одна лавочка, неприлично изысканная и французская. В ее витрине, на бирюзовом фоне в стиле ювелирного дома «Тиффани», поблескивало претенциозное название, выписанное витиеватым золотым курсивом: «*La Douceur Parisienne*»¹. Там делали всевозможные сладости, но прославилась она своими «кустарными кремовыми трюфелями ручной работы». Себастиан же мечтал о большом леденце в виде радужной спирали, стоившем пять долларов.

Целых пять долларов за леденец. Марин прекрасно понимала безумную дороговизну такого угощения. В защиту Себастиана можно сказать, что он даже не знал бы о существовании подобной роскоши, если б она сама, в свое время, не затащила его в эту кондитерскую за шоколадом с чертовски восхитительным, честно говоря, вкусом: надо же время от времени баловать сына. Тем более что в «*La Douceur Parisienne*» все делалось на основе натурального тростникового сахара и местного меда. Дерек не воспринимал подобные капризы своей жены, считая, что Марин просто пыталась оправдать превращение их малыша в такого же надменного гурмана, как и она.

Однако сейчас Дерек наслаждался пивом в спортивном пабе где-то на Первой авеню, глядя футбольный матч и болея за «Хаскиз»², пока Марин делала последние предпраздничные покупки.

Ее карман завибрировал. Из-за рыночного шума Марин не услышала звонка смартфона, зато почувствовала его вибрацию и, выпустив руку сына, достала аппарат. Может, звонил Дерек, сообщить, что игра закончилась? Она глянула на экран. Нет, звонил не муж. Меньше всего ей сейчас хотелось заниматься болтовней, но звонил Сэл. Ему нельзя не ответить.

– Бэшик, стой рядом, – велела она Себастиану. – Привет.

Зажав телефон между плечом и ухом, Марин подумала, что хорошо бы иметь беспроводные наушники, однако тут же вспомнила, что не хочет уподобляться придурочным мамашам, которые их используют.

– Все в порядке? Как мамино самочувствие? – Она вновь взяла сына за руку, слушая рассказ своего старого друга о суматошном утре: мать Сэла восстанавливалась после операции по протезированию тазобедренного сустава. Кто-то врезался в нее, сбив с плеча ремни сумок.

¹ «Парижские сладости» (*фр.*).

² «Вашингтон хаскиз» – команда Вашингтонского университета в студенческом американском футболе.

Марин возмущенно оглянулась на спины удалявшихся без извинений прохожих. Беспардонные, оголтелые туристы.

– Мамочка, хватит болтать, – Себастиан, опять хныкая, подергал ее за руку. – Ты же обещала мне *леденец*. Большой. С радугой.

– Бэшик, что я говорила? Тебе придется немного потерпеть. Сначала нам надо закончить другие дела. – И, возвращаясь к телефонному разговору, добавила: – Сэл, извини, можно я перезвоню тебе немного позже? Мы сейчас на рынке в безумной толпе.

Она сунула телефон обратно в карман и еще разок напомнила Себастиану об уговоре. Понятие *уговор* появилось в их общении сравнительно недавно, когда мальчик начал капризничать, отказываясь купаться. «Если ты искупаешься, то мы подольше почитаем перед сном», – говорила Марин, и этот уговор действовал просто чудесно, так как от него выигрывали оба. Время купания проходило более гладко, а после, ощущая на своей щеке душистые локоны сына, она с удовольствием читала ему свои любимые детские сказки. Сначала историю о «Любопытном Джордже»³, а потом «Спокойной ночи, Луна»⁴ – всегда в такой последовательности. Марин обожала их вечерний ритуал и страшилась того дня, когда ее обьятия будут отвергнуты, а сын предпочтет читать свои вечерние книжки самостоятельно.

Но сейчас Себастиан замолчал, поскольку она напомнила, что он может не получить леденец, если опять начнет хныкать.

Марин и сама чувствовала себя усталой и взвинченной. К тому же давно проголодалась и отчаянно хотела взбодриться кофейком. Но сладости – и, увы, кофе – подождут. Они договорились встретиться с Дерексом в старейшем в мире «Старбаксе», как раз рядом с магазином парижских сладостей, но никто из них не получит желаемого, пока не будет сделана последняя покупка.

Последний подарок был для Сэйди, менеджера городских салонов Марин. Она находилась на шестом месяце беременности и уже намекала, что, возможно, ей придется бросить работу и заделаться домохозяйкой. Уважая выбор любой женщины, решившей всецело посвятить себя семье, Марин, однако, очень не хотела бы потерять такую ценную сотрудницу. Сэйди как-то упомянула, что видела замечательное первое издание Беатрис Поттер «Повесть о кролике Бенджамине Банни» в винтажном книжном на нижнем уровне этого рыночного комплекса. Уже десять лет она прекрасно трудилась в салонах Марин и, разумеется, заслужила особенный подарок, который, возможно, напомнит Сэйди, как сильно она любит своего босса – и свою работу, – и тогда предпочтет вернуться к работе после декретного отпуска.

Себастиан снова начал вырываться, но Марин, крепко держа сына за руку, подтолкнула его ко входу в книжную лавку, где с облегчением узнала, что у них все еще есть то самое первое издание Поттер. Расплачиваясь, умудрилась добавить к подарку еще пару книжек про черепашонка Франклина. Они уже вновь поднимались на верхний уровень, когда ее телефон вновь завибрировал.

Игра закончилась, – написал Дерек. Слава богу – ейгодились бы лишние руки. – Направляюсь в вашу сторону. Где вы сейчас?

Она почувствовала, как из ее руки выскользнула вспотевшая ручка Себастиана. Ладно; ей все равно нужны обе руки для отправки сообщения. В любом случае, ее малыш рядом и не отстает от нее в кои-то веки, ведь они уже быстро шли по улице в сторону кондитерского магазина. Обещание есть обещание, хотя Марин признавала, что мысль о шоколадном малиновом трюфеле таяла у нее во рту, облегчая выполнение их уговора.

³ Обезьянка, герой серии приключений под названием «Любопытный Джордж», написанных Х.А. и М. Рей.

⁴ «Спокойной ночи, Луна» – известная детская книжка авторства М. Уайз-Браун.

Направляемся в нашу модную кондитерскую. Потом – в «Старбакс». Тебе купить что-нибудь?

Тако. Я умираю с голодухи. Встретимся лучше около закусовых фургонов.

Марин скривилась. Ее не привлекали закуски из мексиканских фургонов и вообще любой уличный фастфуд. Она даже траванулась, когда последний раз съела там тортилью с начинкой.

No bieno⁵. Почему бы нам не заскочить по дороге домой в «Феникс» и не взять пару сэндвичей со свиной? Там хоть мясо приличное.

Жрать жутко хочется. Надо подкрепиться чем-то прямо СЕЙЧАС. И, детка, если будешь паинькой, то вечером я устрою тебе чудесное плотское угощение.

Она закатила глаза. Кое-кто из ее подруг жаловался, что их мужья перестали с ними флиртовать. Дерек же продолжал заигрывать постоянно.

Ладно. Ешь свой жирный тако, но помни, чревоугодник, что ты мой должник.

Вот и славно, потому что я уже стою в очереди, – его ответ сопровождался подмигивающей эмодзи. – Встретимся через несколько минут. Я принесу Бэшу чурро⁶.

Марин собиралась наложить вето на этот жареный десерт, когда вдруг осознала, что плечо Себастиана больше не прижимается к ее ноге. Оторвав взгляд от смартфона, она поправила вдруг потяжелевшие сумки. Вновь опустила глаза и оглянулась вокруг.

– Бэшик? Себастиан?

Сына поблизости не оказалось. Марин резко остановилась, и кто-то мгновенно врезался ей в спину.

– Терпеть не могу, когда вот так внезапно тормозят, – проворчал парень своему спутнику, обходя ее с выразительным недовольным пыхтением.

Но Марин ничего не слышала. Охваченная смятением, она осознала, что ее мальчика нигде не видно. Вытянув шею, вглядывалась в толпу сновавших по рынку горожан и туристов. Себастиан не мог уйти далеко. Ее взгляд метался туда-сюда, ища малыша с темными, так похожими на ее собственные, волосами. Она искала коричнево-белый свитер с оленем, связанный ему в подарок давней клиенткой салона. Себастиану так понравился этот свитер, что всю прошедшую неделю он носил его практически ежедневно. И выглядел в нем совершенно очаровательно.

Но она нигде не нашла его. Ни свитера с оленьей мордочкой. Ни Себастиана.

Перегруженная своими сумками, набитыми их куртками и покупками, Марин металась по рынку. В отчаянии проталкиваясь через толпу, она продолжала выкрикивать имя сына:

– Себастиан! Себастиан!

Окружающие начали замечать ее безумные метания, но большинство продолжали спешить по своим делам, лишь мельком глянув в ее сторону. Марин едва слышала собственный голос. Толпа вынесла ее к прилавок с морепродуктами, где три рыбака в испачканных кровью комбинезонах сновали туда-сюда, наслаждаясь взглядами зрителей, собравшихся посмотреть, как по-спортивному ловко они перебрасывались свежим лососем.

– Себастиан! – Марин пребывала в жуткой панике. В ее руке завибрировал смартфон. Очередное послание от Дерек: он уже заказывал тако в фургоне и захотел напоследок узнать, не хочется ли ей все-таки какой-то закуски. Его сообщение безумно взбесило ее. Не нужно ей никаких чертовых закусок, ей нужно найти сына!

– Себастиан!

Смятение переросло в истерику, и Марин не сомневалась, что выглядела как сумасшедшая, поскольку окружающие начали поглядывать на нее со страхом и озабоченностью.

⁵ Вовсе не лучше (исп.).

⁶ Чурро – колечко из теста, обжаренное во фритюре.

К ней подошла пожилая женщина, чьи серебристые волосы поблескивали в аккуратно уложенной причёске.

– Мэм, могу я вам помочь? Вы потеряли ребенка?

– Да, ему четыре года, он вот такого роста, с каштановыми волосами и в свитере с оленем, его зовут Себастиан, – протараторила Марин на одном дыхании, осознавая, что ей нужно успокоиться и перевести дух, потому что истерикой тут уж точно не поможешь. Да и, наверное, вообще глупо паниковать. Ведь они находились на модном рынке, посреди туристического комплекса, где полно охраны. К тому же приближалось Рождество, и никто, естественно, не стал бы уводить ребенка на пороге Рождества. Себастиан просто немного заблудился, и через минуту-другую кто-нибудь приведет его к ней, а она, глуповато пролепетав «спасибо», неистово обнимет своего ребенка. А потом, склонившись к нему, прочтет строгую нотацию, напомнив, что «он должен всегда оставаться там, где может ее видеть, потому что если он не может видеть ее, то она не может видеть его», – и его круглое личико сморщится от подступивших слез, потому что он всегда, независимо от причины, расстраивался, когда расстраивалась она. Потом она расцелует его и объяснит, почему в общественных местах ему всегда надо оставаться рядом с ней, ведь это важно для его же *безопасности*. Она снова успокоит его, убедив, что теперь все будет в порядке, и они опять обнимутся и поцелуются, и, конечно же, он получит обещанный леденец. А потом, уже вечером, в их уютном доме, уложив Себастиана спать, Марин расскажет Дереку всю эту ужасную историю, как она испугалась – как безумно перепугалась – в те несколько минут, когда не знала, куда подевался их сын. И тогда настанет очередь мужа успокаивать ее, и он напомнит ей, что все, слава богу, закончилось хорошо.

Да, все будет хорошо. Ведь они найдут его. Разумеется, найдут.

Марин набрала номер Дерек и, как только муж ответил, выпалила:

– Себастиан пропал. – Ее голос звучал в три раз громче и на пол-октавы выше, чем обычно. – Я потеряла его.

Дерек знал, как она обычно разговаривает, и мгновенно понял, что Марин не шутит.

– Что-что?

– Я не могу найти Себастиана!

– Где ты сейчас? – спросил он, и Марин, оглянувшись, осознала лишь, что все еще топталась возле рыбных прилавков. Но теперь она стояла около главного входа под горящей неоновой вывеской «Общественный рынок».

– Я стою около свиньи, – ответила Марин, зная, что он поймет ее ссылку на эту популярную бронзовую скульптуру.

– Никуда не уходи, я скоро.

К вызвавшейся помочь ей пожилой даме присоединились еще три особы разных возрастов, наряду с мужчиной – мужем одной из них, – которого послали за охраной. Дерек появился через пару минут, изрядно запыхавшийся, поскольку бежал всю дорогу с другого конца рынка. Глянув на Марин, он понял, что рядом с ней нет Себастиана, и его лицо застыло. Казалось, он надеялся, что к моменту его проявления все уже разрешится, и ему останется лишь успокаивать напуганную, но испытывающую облегчение жену и испуганного и плачущего сына, поскольку как раз успокаивать Дерек умел отлично. Однако там не оказалось ни плачущего ребенка, ни испытывающей облегчение жены, и он мгновенно оцепенел, не зная, что делать дальше.

– Какого черта, Марин? Что же ты наделала?

Из-за неудачного выбора слов его вопросы прозвучали более обвиняюще, чем ему, вероятно, хотелось. Его голос словно пронзил ее, и Марин поморщилась, словно от боли: ей вдруг стало ясно, что последний вопрос будет преследовать ее всю жизнь.

Да, что же она наделала? Она потеряла их сына, вот что она наделала. И была готова взять на себя всю вину и до бесконечности приносить всем и каждому свои извинения, как только

они найдут малыша, ведь они найдут его, должны найти, а сразу после нахождения, как только он вернется целый и невредимый к ней, она почувствует себя полной идиоткой.

Марин отчаянно ждала того момента, когда же почувствует себя идиоткой.

– Он все время стоял рядом со мной; я лишь выпустила его ручку, чтобы отправить тебе сообщение, и вдруг он пропал, – ответила она срывающимся голосом с явными истерическими нотками, и прохожие уже не просто вздрагивали, а останавливались и предлагали помощь, спрашивая, как выглядел потерявшийся мальчик.

Два охранника в темно-серой униформе, услужливо приведенные посланным мужем, уже знали, что надо искать мальчика в свитере с лисичкой.

– Не с лисичкой, – крикнула Марин сердито, но никто ее не осудил, – *с оленем*. Коричнево-белый свитер с мордочкой оленя, с черными пуговками вместо глаз и...

– У вас есть фотография вашего сына в этом свитере? – спросил один из охранников, но она еле удержалась, чтобы не обругать его за такой дурацкий вопрос. Во-первых, много ли четырехлетних мальчиков разгуливает сейчас по рынку в точно таком же вручную связанном свитере? И, во-вторых, естественно, у нее есть фотография сына, ведь он ее сын, и их полно в ее телефоне.

Они получили снимок и отправились на поиски.

Но им не удалось найти малыша.

Через десять минут появилась полиция.

Но и копам тоже не удалось найти его.

Спустя два часа, после того как полиция Сиэтла раздобыла запись с камеры уличного наблюдения, Марин с Дерекком в потрясенном неверии взирали на монитор компьютера, где показывалось, как их мальчик в свитере с оленем выходил с рынка, держа за руку человека с расплывчатыми чертами лица. Они исчезли за дверями около подземной парковки, но это не означало, что они направились именно туда. В свободной руке их сын держал леденец, ту самую радужную спираль, что купила бы ему мать, если б имела шанс. Давший ему леденец человек был с ног до головы одет в костюм Санта-Клауса, вплоть до черных сапог, кустистых белых бровей и бороды. Ракурс, пойманный камерой, не позволял разглядеть толком его лицо. И не позволял даже сказать, кто скрывался под костюмом – мужчина или женщина.

Марин никак не могла сообразить, что же она видит, и, прося полицейских снова и снова воспроизводить эту запись, прищурившись, вглядывалась в монитор, словно надеялась увидеть там нечто больше того, что давала картинка. На экране воспроизводилась дрожащая запись, больше напоминавшая последовательность зернистых немых стоп-кадров, чем нормальную видеозапись. Всякий раз видя, как Себастиан исчезает из вида, она вздрагивала от ужаса. Вот он еще есть, прямо перед ее глазами его ножка переступает через дверной порог. А в следующем кадре он исчезает, его уже нет.

Есть. Нет. Перемотка. Есть. Нет.

Дерек вышагивал за ее спиной, говоря на повышенных тонах с охранниками и полицейскими, но ее мозг выхватывал из их разговора лишь отдельные слова – «похищение», «кража детей», «система поиска пропавших детей», «агенты ФБР», – все остальное заглушалось ее мысленными воплями. Она не могла постичь, что это происходит в реальности. Казалось, что все это случилось с другими людьми. Словно она смотрела кадры из кинофильма.

Кто-то, одетый Санта-Клаусом, увел ее сына. Преднамеренно. Умышленно.

Несмотря на размытость черно-белого изображения, было очевидно, что Себастиана никто не принуждал. Он не выглядел испуганным. Его лицо сияло радостью, ведь в одной руке он держал желанный пятидолларовый леденец, а другой держался за руку Санта-Клауса. Продавщицы из кондитерской лавки «*La Douceur Parisienne*» подтвердили, что сегодня они продали семь таких леденцов, но не припомнили ни одного клиента в костюме Санты. В их крошечном магазинчике не было ни одной камеры. Единственная камера из системы видеона-

блюдения висела на противоположной стороне улицы, напротив гаража подземной парковки, куда, как предполагалось, ушли Себастиан и его похититель, однако угол обзора только издали охватывал бока выезжавших из гаража машин; номерных знаков было не видно. За час, прошедший с момента исчезновения Себастиана, оттуда выехали пятьдесят четыре машины, и некоторые из них полицейским удалось отследить.

Временные отметки на видеоматериале свидетельствовали, что мальчик и его похититель покинули рынок буквально через четыре минуты после того, как Марин осознала, что потеряла сына. В то время еще даже не вызвали охранников.

Четыре минуты. Всего-то. Вот сколько понадобилось, чтобы украсть ребенка.

Леденец, костюм Санты и двести сорок секунд.

Часть I

Пятнадцать месяцев спустя

Послушай, ты ведь еле дышишь, называя это жизнью...
Мэри Оливер

Глава 2

Говорят, если пропавшего ребенка не нашли в течение суток после исчезновения, то, вероятнее всего, его уже не найдут никогда.

Такой была первая связная мысль, посещавшая Марин Мачадо каждое утро.

Вторая мысль – не сегодня ли она наконец осознает, что пора покончить с этой жизнью?

Иногда эти мысли рассеивались к тому времени, когда она, выбравшись из постели, стояла под душем, смывая их сильной струей горячей воды из душевой насадки. Иногда они рассеивались позже, после чашки кофе, когда она уже ехала на работу. Но иногда крутились в голове целый день, точно шепот зловещих туч на дальнем горизонте подсознания, подобно мрачной фонограмме, которую невозможно выключить. В иные дни Марин могла выглядеть нормально и вела с окружающими обычные разговоры, как обычный человек, хотя внутри у нее звучали совсем другие диалоги.

Так случилось, к примеру, и вчера утром. Марин появилась в своем салоне в розовом платье от «Шанель», найденным в глубине своей гардеробной с прицепленной к нему карточкой из химчистки. Входя в приемную, она выглядела потрясаяще, что сразу заметила ее секретарша, молодая блондинка с безупречным чувством стиля.

– Доброе утро, Марин, – сказала Вероника с сияющей улыбкой. – Надо же, какое у вас изумительное платье... Выглядите на миллион баксов.

Марин ответила улыбкой, проходя по элегантной приемной в сторону своего личного кабинета в глубине салона.

– Спасибо, Ви. Пустяки. Что у нас с расписанием на сегодня?

– Забито под завязку, – произнесла Вероника тем монотонным голосом, каким, видимо, разговаривают по утрам все работающие люди.

Марин кивнула и, опять улыбнувшись, продолжила путь к своему кабинету, хотя в уме у нее постоянно крутились мрачные мысли: «Может, сегодня уже пора. Возьму ножницы... не те новые, что я опробовала прошлым летом на Скарлетт Йоханссон, а старые, привычные, те самые, которыми я лет пять назад стригла Дженнифер Лопес, их ведь так удобно держать... надо просто воткнуть их в шею, прямо туда, где бьется жила. Я сделаю это перед зеркалом в ванной, тогда уж мне не удастся промахнуться. Да, именно в ванной, ее проще всего отмыть; там синевато-серый кафель, соединенный темными швами, и пятен крови будет не видно...»

Она не сделала этого.

Но думала об этом. Она по-прежнему думала об этом. Каждое утро. Большинство вечеров. Бывало, и в середине дня.

Сегодня, к счастью, день начался лучше, и мысли, разъедавшие ее душу с утра, начали терять определенность. Они полностью исчезли со звонком будильника. Включив лампу на прикроватной тумбочке, Марин поморщилась от противного привкуса, появившегося благодаря целой бутылке выпитого перед сном красного вина. Взяв запасенный с вечера стакан воды и сделав большой глоток, она прополоскала пересохший рот. Потом вытащила шнур зарядника из телефона.

Ты жива?

Вопрос от Сэла, естественно. Его традиционное утреннее сообщение, если он не дожидаясь ее звонка. Любому другому такой вопрос мог бы показаться бесчувственным. Но у них с Сэлом особые отношения. Они давно знали друг друга, разделяли любовь к черному юмору, и Марин радовалось, что у нее по жизни еще есть друг, не считавший необходимым осторожничать с ее драгоценными чувствами. Она также абсолютно уверена, что только Сэл, единственный из ее знакомых, втайне не считал ее дрянью. С большой от похмелья головой и еще затуманенным со сна взором, Марин ответила ему, неловко набрав текст плохо гнущимися спросонья пальцами.

Еле-еле.

Таков ее традиционный ответ. Предельно лаконичный, но большего и не требовалось. Сэл еще разок проверит ее состояние вечером перед сном. Он знал, что худшими для нее стали утренние и вечерние часы: именно в них ей хуже всего удавалось мириться с реальностью ее нынешней жизни.

Вторая половина семейной кровати пустовала. Несмятая подушка и простыни. Прошлой ночью Дерек с ней не спал. Он опять уехал из города по делам. И она понятия не имела, когда он вернется. Дерек забыл сообщить ей об этом вчера, когда уезжал, а Марин забыла спросить.

Прошло уже четыреста восемьдесят пять дней с того времени, когда она потеряла Себастиана.

Это означало, что уже четыреста восемьдесят пять вечеров Марин не купала своего сына, не надевала на него чистую пижамку, не укладывала в кровать и не читала вечерние сказки. Она пережила четыреста восемьдесят пять утренних пробуждений в тихом доме, лишенном детского смеха, топота ножек и призывных криков: «Мамочка, помоги!» – доносившихся из коридора возле ванной. Четырехлетний малыш, конечно, уже полностью освоил горшок, но ему пока не удавалось как следует справляться с основными навыками личной гигиены.

Четыреста восемьдесят пять суток сплошного ночного кошмара.

Начинался очередной приступ паники. Целую минуту Марин старательно делала упражнения на глубокое дыхание, которым ее научил психотерапевт. Ни о каком нормальном существовании, безусловно, не могло быть и речи, однако, она научилась лучше притворяться. И, главное, перестала пугать людей. Уже четыре месяца прошло с тех пор, как Марин смогла вернуться к работе. Привычный рабочий режим пошел ей на пользу; благодаря ему она выходила из дома и проводила день на работе, что давало ей повод думать не только о Себастиане.

Свесив ноги с кровати, Марин приподнялась на локте – и тут же сморщилась от острой пульсирующей боли в висках. Проглотив таблетки антидепрессанта и поливитамина, она запила их остатками теплой воды и минут через пять направилась в душ. Спустя сорок пять минут вышла из ванной уже полностью одетой, с идеальной, стильной прической и искусно наложенным макияжем. Теперь Марин чувствовала себя лучше. Ненамного, разумеется – ведь ее ребенок до сих пор не найден, и это всецело ее вина, – но в такие моменты ей, по крайней мере, не казалось, что она болтается над пропастью на быстро разматывающейся тонкой нити. И сейчас как раз нащупала подобие твердой почвы под ногами, расценив такое состояние как своеобразное достижение.

...Этот день пролетел быстро. Четыре стрижки, двойной покрас⁷, балаяж⁸ и собрание персонала, где она только присутствовала, но проводила его Сэйди. Повышенная до генерального менеджера сразу после рождения ребенка, теперь она управляла повседневными делами всех трех салонов. Марин с трудом могла представить, что потеряет Сэйди до того, как все

⁷ Двойной покрас – техника окрашивания с использованием двух цветов одновременно. Чаще всего используются светлые и темные цвета для создания контраста.

⁸ Балаяж – техника окрашивания, с помощью которой добиваются эффекта выгоревших на солнце волос.

случилось с Себастианом; а после того такая мысль стала невыносимой. Она могла лишь слоняться по дому, погружаясь в свое несчастье, что и делала целый год, пока Дерек и ее психотерапевт не начали упорно твердить, что пора уже вернуться к работе. Марин все еще контролировала ситуацию – салоны, в конце концов, принадлежали ей, – но в основном вернулась к работе ради стрижки и окрашивания волос избранной группы давних клиентов, известных как VIP-персоны. Все они были до абсурда богаты. Избранные мелкие знаменитости готовы платить по шесть сотен долларов в час за то, чтобы прическу им сделала лично Марин Мачадо. Потому что она успела завоевать популярность. Ее стилистические решения рекламировались в модных журналах типа «Вог», «Алюр» и «Мэри Клер». Марин Мачадо стала крутым, модным стилистом. «Погуглив» ее имя, можно обнаружить фотографии трех самых знаменитых Дженнифер – Лопес, Лоуренс и Энистон, – в общем, тех актрис, с волосами которых она работала лично, хотя теперь статьи о ее работе уступили место новостям об исчезновении Себастиана и о крупномасштабных поисках, правда, не увенчавшихся успехом. Жалобам на особое отношение к ней и Дереку со стороны полиции, потому что Дерек тоже принадлежал к бизнес-элите, и они, будучи состоятельной парой со связями, водили дружбу с шефом полиции (что сильно преувеличено – в полиции едва знали Марин, разве что видели ее на нескольких ежегодных благотворительных мероприятиях), и слухам о том, что Марин пыталась покончить с собой.

Теперь она стала своего рода поучительной историей.

Благодаря содействию Сэйди она удержалась на плаву, а занятие любимым делом пошло на пользу. Марин любила создавать новые образы и именно на своем рабочем месте, щелкая ножницами, смешивая цвета и окрашивая пряди волос, ощущала полноту и гармонию жизни. Она достигла высот в парикмахерском искусстве – идеальном сочетании мастерства и химии.

В ее кресле сейчас сидела женщина по имени Аврора. Давняя клиентка, вышедшая замуж за бывшего игрока бейсбольной команды «Сиэтл маринерс». Ее натуральные черные волосы начали седеть, и за несколько последних посещений ее удалось превратить в блондинку. Авроре хотелось, чтобы ее лицо обрамляла светло-платиновая шевелюра, якобы «выгоревшая под морским солнцем», но ее волосы давно стали сухими, тонкими и истощенными. Марин решила вручную обработать их щадящим осветлителем, смешанным с восстанавливающим бальзамом. Когда волосы клиентки посветлели до бледно-желтого оттенка, похожего на внутреннюю сторону банановой кожуры – время окраски занимало от десяти до двадцати пяти минут, в зависимости от множества различных факторов, – Марин вымыла ей волосы и не более чем на три минуты наложила фиолетовый тонер, для создания идеального светло-золотого оттенка.

Несмотря на сложности процесса окраски, Марин умела управлять им. Исключительно важным она считала умение предсказывать последствия своих трудов. И в первую же неделю после возвращения на работу поняла, что лучше бы вернулась в салон раньше, не потратив зря столько времени на сеансы психотерапии.

– Итак? Каково твое мнение? – спросила она наконец Аврору, поправив несколько локонов прически, прежде чем сбрызнуть их спреем мягкой фиксации.

– Идеально, как обычно, – оценила Аврора, казалось, теперь просто не представляя, что еще можно ответить. В прошлом она весьма бурно высказывалась по поводу достоинств и недостатков своих волос. Но с тех пор, как Марин вернулась к работе, осыпала своего стилиста исключительно комплиментами.

Марин пристально наблюдала за клиенткой, выискивая признаки недовольства, но Аврора выглядела искренне довольной, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и разглядывая оттенки в разных ракурсах.

– Очаровательно. Прекрасная работа, – заявила она, с довольной улыбкой взглянув на Марин в зеркало.

Кивнув, та, тоже с улыбкой, приняла похвалу, сняла пелерину и проводила клиентку в приемную, где Вероника ждала оплаты услуг.

Она слегка приобняла Аврору на прощание, и женщина ответила ей излишне крепким объятием.

– Ты отлично справляешься, милая, держись, – прошептала та, и Марин невольно испытала ощущение клаустрофобии.

Пробормотав слова благодарности, она испытала облегчение, когда Аврора наконец отпустила ее.

– Уходите? – спросила секретарша спустя несколько минут, увидев, что босс вышла из своего кабинета с курткой и сумочкой.

Марин, заглянув в компьютер секретарши, проверила записи следующего дня. Только три клиентки во второй половине дня – значит, после утреннего сеанса психотерапии у нее останется пара часов для административных дел. Формально не обязанная теперь заниматься ими, она чувствовала себя виноватой из-за того, что свалила все управление на Сэйди.

– Передай Сэйди, что я буду утром, – попросила Марин, проверив свой телефон. – Пока, Ви, хорошего вечера.

Она направилась к своей машине и уже включила зажигание, когда поступила эсэмэска от Сэла. В последнее время он остался единственным человеком, способным заставить ее улыбнуться, не вынуждая при этом осознавать, что она улыбается лишь из чувства вежливости или долга.

Приходи в бар. Я совершенно один, не считая компании олухов из колледжа, присосавшихся к «Будвайзеру», будучи не в курсе, что есть еще и настоящее пиво.

Не могу. Еду в группу.

Ладно. Тогда приходи, когда закончишь самобичевание. Я соскучился по твоему лицу.

Марин хотелось согласиться, поскольку она тоже соскучилась по нему, однако после групповых встреч она обычно чувствовала себя психологически истощенной.

Может, и зайду, – напечатала она, не желая прямо отказываться, – сам понимаешь, какое меня ждет испытание. Уточню позже.

Честный ответ. Но я изобрел новый коктейль и хочу, чтобы ты попробовала мой мохито с соками граната и ананаса. Я назвал его «Гавайи 5-0».

Звучит отвратительно.

В награду Марин получила пиктограмму с изображением мужчины, показывающего средний палец, и невольно фыркнула от смеха.

Сэл не спросил, где будет Дерек сегодня вечером. Он никогда не спрашивал.

Ей хватило пятнадцати минут, чтобы доехать до Содо, как сокращенно называли район Саут-оф-Даунтаун⁹. К тому времени как она заехала на парковку обветшалого торгового комплекса, где проходило собрание группы поддержки, ее вновь охватила грусть. Естественное состояние – ведь она шла, вероятно, в единственное место во всем мире, где могла чувствовать себя сколь угодно несчастной, не испытывая при этом необходимости извиняться, поскольку все на этом собрании были по-своему несчастны. Сеансы психотерапии, разумеется, заслуживали доверия, но они подразумевали оценки и негласное ожидание того, что ей должно стать лучше.

⁹ Саут-оф-Даунтаун, сокращенно Содо, – перестроенный промышленный район Сиэтла со стадионами и лофтами, где находятся офисы новых компаний, мастерские художников и современные галереи.

А сегодняшняя встреча не давала оснований к таким притязаниям. «Группа поддержки родителей пропавших в Сиэтле детей» – просто шикарное название для компании людей с одной общей ужасной проблемой: у всех них пропали дети. Сэл называл это актом самобичевания. И он не ошибался. Но иногда Марин нуждалась именно в таком акте.

Миновал уже год, три месяца и двадцать два дня с худшего момента в ее жизни. С момента, когда она совершила худшую из ошибок. И никто в том не виноват, кроме нее.

Если б она не выпустила ручку Себастиана, чтобы написать эсэмэску, если б они раньше зашли в ту кондитерскую лавку, если б она не затащила его в книжный магазин, если б она раньше оторвала взгляд от телефона, если б... если б... если б... если б... если б...

Психотерапевт убеждал ее прекратить заикливаться на том злосчастном дне. Говорил, что бесполезно снова и снова прокручивать в голове каждую его секунду, как будто каким-то волшебным образом могли вспомниться новые важные детали. Что нужно найти способ примириться со случившимся и вновь начать смотреть в будущее, не переставая, безусловно, надеяться на возвращение Себастиана. Что нужно постараться начать вести продуктивную жизнь, несмотря на случившееся, несмотря на допущенную ею ошибку, несмотря на ее последствия.

Марин считала его советы дурацкими. Потому-то ей и не хотелось больше ходить на его сеансы. А хотелось думать только о тех последних моментах. Хотелось продолжать ковыряться в своей ране. Она не хотела, чтобы та заживала, потому что если она заживет, то, значит, все кончено и, значит, ее малыш останется потерянным навсегда. Она не могла уразуметь, почему никто, казалось, не понимал этого.

Никто, за исключением членов группы поддержки.

Она пристально глянула на выцветшую желтую вывеску магазина пончиков, которая уже приобрела оттенок то ли горчицы, то ли лимона. С неизменно освещенной витриной. Если б в прошлом году кто-то сказал ей, что она будет таскаться сюда раз в месяц и проводить время в группе незнакомых людей, она не поверила бы.

Да, раньше Марин многому не могла бы поверить.

Ключи выскользнули из ее руки, но ей удалось подхватить их, прежде чем они шлепнулись в грязную лужу на парковке. А разве сама она в последнее время не барахтается в грязной луже своей жизни? Переживая череду промахов и ловушек, ошибок и угрызений совести, постоянно жонглируя шарами притворства, силясь показать, что все хорошо, когда в душе постоянно царит хаос саморазрушения...

Однажды все эти шары упадут.

И разобьются вдребезги.

Глава 3

По оценкам ФБР, в настоящее время насчитывается более тридцати тысяч дел о пропавших без вести детях.

Это тревожно большое число, и, тем не менее, жизнь родителей пропавшего ребенка проходит в странной изоляции. Если с вами не случилось такого несчастья, вы не сможете понять уникальность кошмара неведения о нахождении вашего ребенка, постоянных мыслей о том, жив он или мертв. Марин испытывала необходимость общения с людьми, жившими в таком особом преддверии ада. Она нуждалась в заслуживающем доверия общении, где могла выплеснуть все свои страхи, исследовать и анализировать их, зная, что другие переживают то же самое.

Марин предложила Дереку посещать эти групповые встречи вместе, но тот отказался. Он вообще не любил говорить о своих чувствах и решительно не хотел обсуждать ничего, связанного с Себастианом. Всякий раз, когда кто-то упоминал их сына, он замыкался в себе. Таков эмоциональный эквивалент абсолютного притворства: чем больше вы будете беспокоиться о благополучии Дерекы, тем меньше дождетесь отклика и в итоге, сдавшись, оставите его в покое. Он вел себя так даже с Марин. Возможно, с ней особенно упорно.

Чуть меньше года назад, когда она только начала посещать группу, на встречи приходили семь человек. Тогда они собирались в цокольном этаже церкви Святого Августина. Потом их число сократилось до четырех, и с тех пор встречи проходили в задней комнате пончиковой лавки. Выбор места мог показаться странным, если не знать, что у владелицы «Больших дыр» тоже пропал ребенок.

Название «Большие дыры» могло показаться забавным, но Фрэнсис Пейн не дружила с юмором. Она сразу заявила, что ее заведение – не пекарня, так как здесь подавали только два вида угощения: кофе и пончики. Статус пекарни, как она настаивала, предполагал более высокий уровень кондитерского мастерства, а ей его как раз не хватало.

Фрэнсис еще не исполнилось и пятидесяти лет, но выглядела она на все семьдесят; из-за глубоких морщин ее лицо напоминало изрезанную оврагами карту. Ее сын, Томас, пропал, когда ему было пятнадцать лет. Однажды он пошел на вечеринку, на которой выпивали и баловались наркотиками. А утром не вернулся домой. Никто не помнил, как он уходил с вечеринки. От него не осталось никаких следов. Он просто исчез. Фрэнсис растила сына в одиночку, Томас был для нее светом в окошке. Она ждала его возвращения уже девять лет.

Самой младшей в их группе была тридцатичетырехлетняя Лайла Фигероа. Мать троих детей, она жила с мужем Кайлом. Он работал детским стоматологом, и сама она тоже занималась гигиеной полости рта. У них родились два малыша. Пропавший ребенок – Девон, ее старший сын от предыдущего брака. Однажды его биологический отец, не имевший права опеки, забрал мальчика из школы, и больше его никто не видел и не слышал. Девон исчез три года назад в десятилетнем возрасте, тогда их с отцом видели последний раз в Санта-Фе, Нью-Мексико. Лайла говорила, что хотя Девон не стал жертвой таинственного похищения, его отец сам склонен к жестокости. В детстве Девона, когда малыш не переставал плакать, раздраженный отец специально прижиг его ножку на плите, и такая жестокость стала главной причиной того, что она ушла, забрав сына.

Саймон Полняк, единственный отец в их маленькой группе, управлял филиалом компании «Тойота» в Вудинвилле и каждые несколько месяцев приезжал на встречи в новой, всю рекламируемой машине. Он и его жена Линдси раньше ходили в группу вместе, но пол-

года назад они развелись. Линдси увезла с собой лабрадудля¹⁰, а Саймон продолжил ходить в группу. Он любит шутить, что она заключила выгодную сделку.

Их дочери Брианне было тринадцать, когда ее выманил из дома знакомый по интернету, якобы шестнадцатилетний парень, назвавшийся Трэвисом. Расследование показало, что этот тридцатилетний Трэвис работал на складе электроники и жил у своих родителей. Но он исчез вместе с Брианной. Они сбежали четыре года назад, и с тех пор никто о них ничего не слышал.

Каждый первый вторник месяца родители встречались вчетвером в небольшой задней комнате «Больших дыр». Иногда к ним заглядывали новички – Фрэнсис вела страницу на Фейсбуке, и, кроме того, сведения о группе поддержки висели на доске объявлений церкви Святого Августина и на их сайте... В общем, группа была доступна для онлайн-поиска – но новые люди редко приходили второй раз. Групповые встречи, особенно в *такой* группе, – не для всех.

Сегодня к ним присоединилась новая жертва. Фрэнсис представила ее как Джейми – без фамилии, по крайней мере пока. Войдя в заднюю комнату и увидев состояние новенькой, Марин сразу поняла, что трагедия случилась совсем недавно. Об этом говорили опухшие от слез глаза, запавшие щеки, волосы, еще влажные от душа, который она, вероятно, заставила себя принять, прежде чем выйти из дома. Одежда висела на этой женщине так, словно она недавно сильно похудела. О ее возрасте судить было трудно, но Марин подозревала, что ей ближе к сорока. Рядом с ней стояла спортивная сумка, а ноги в фирменных сандалиях нервно подергивались. Похоже, она привыкла делать педикюр, но сейчас ей было явно не до этого. Отросшие ногти лишились следов лака.

Марин поздоровалась со всеми. Прежде чем занять свое место, она взяла поджаренный кокосовый пончик, обменявшись понимающим взглядом с Саймоном. Всегда интересно, как долго продержится новичок. Многие не выдерживали даже до конца первой встречи. Реальность подобной жизни зашкаливала. Зашкаливало чувство вины.

– Кто хочет начать? – спросила Фрэнсис, окинув взглядом собравшихся.

Джейми опустила голову. Лайла прочистила горло, и они все тактично взглянули на нее, предоставляя слово.

– У нас с Кайлом возникли... сложности.

Марин заметила, что за прошедший месяц Лайла заметно осунулась; резко обозначились и круги под глазами. Сегодня ее джинсы дополнил толстый вязаный свитер с блестящей малиновой на груди. Ей нравилось одеваться в броские, несочетаемые вещи ради приходящих в стоматологический кабинет маленьких пациентов. Она не притронулась к глазированному пончику, но взбодрилась, выпив кофе и смыв часть помады, отчего стали заметны трещинки на ее пересохших губах.

– Не представляю, долго ли еще мы сможем делать вид, что все в порядке. Мы стали постоянно ссориться, и наши ссоры отвратительны. Ругаемся, бьем посуду и ломаем все, что под руку попадет. Ему не нравится, что я хожу сюда. Он считает, что я заиклилась на прошлом. – Лайла обвела взглядом комнату. – А вы не думаете, что именно этим мы здесь занимаемся? Увязли в болоте прошлого?

Разумеется, увязли. Но Марин не сказала этого, поскольку никому из них не хотелось это услышать.

Саймон принялся за второй пончик, и она предвидела, что до окончания сегодняшней встречи двумя он не ограничится. После развода с Линдси Саймон сильно раздобрел. Лишний вес проявился в выдающемся животе и округлившейся физиономии. Он даже начал отращать бороду, чтобы скрыть наметившийся второй подбородок. На голове его топорщились спутанные кудри. У себя в салоне Марин легко могла бы смягчить буйство его кудряшек, но

¹⁰ Лабрадудль – породистый метис, выведенный путем скрещивания лабрадора-ретривера и пуделя.

понятия не имела, как предложить свои навыки, не показавшись снобом. Она подозревала, что в группе ее считали претенциозной, и сегодняшнее появление в платье от «Шанель», вероятно, лишь усилит это мнение.

– Ну и что с того, если «увязли»? Надо же чем-то жить. У каждого есть свои мысли... сомнения. И как бы мы с ними справлялись, если б не высказывали их здесь? – Саймон закинул в рот последний кусок пончика и вытер пальцы о джинсы. – Незадолго до нашего развода Линдси тоже начала думать, что такие разговоры вредны для нее. Ей хотелось перестать и думать, и болтать о прошлом. Иногда она говорила, что после наших встреч чувствует себя еще более несчастной, поскольку все вы постоянно напоминаете ей, что, вероятно, счастливый конец невозможен.

Все печально вздохнули. Как ни тяжело это слышать, но Линдси права. В том-то и смысл собраний группы поддержки родителей пропавших детей. Если повезет стать одним из немногих, чей ребенок в конце концов будет найден, то вы прекратите приходить сюда. Живой или мертвый, ваш ребенок перестанет быть *пропавшим*, поэтому, если вам и понадобится поддержка, то уже другого плана. Разрыв с группой просто неизбежен, причем в любом случае по взаимному согласию. Особенно если ваш ребенок мертв. Никому в группе не захочется об этом слышать.

А если каким-то чудом ваш ребенок останется жив, вы перестанете приходить, потому что не захотите, чтобы другие родители напоминали вам о пережитом кошмаре, в котором, однако, они еще продолжают жить.

Брак Лайлы и Кайла трещал по швам, уже когда Марин начала посещать эту группу. Каков процент разводов среди пар с пропавшими детьми? Непомерно высок. По крайней мере, Лайла и ее муж все еще ссорятся. Марин и Дерек уже перестали. Порой необходимо хотя бы немного покричать, и твои крики должны хоть немного волновать партнера, чтобы тот удосужился ответить.

– Он стал проводить много времени с одной особой, познакомился с ней пару месяцев назад на стоматологической конференции, – выпалила Лайла. Кровь прилила к ее лицу, окрасив щеки тем же оттенком, что и ягода на ее свитере. – Какая-то дамочка. Говорит, что они просто дружат, но он таскается на свидания, попивает с ней кофе и обедает, а когда я спросила, можно ли и мне познакомиться с ней, он обиделся и заявил, что, помимо наших общих знакомых, ему должно быть позволено иметь и личных друзей. Но, по-моему... в общем, по-моему, он закрутил роман.

Все сдержанно помолчали.

– Я уверен, что он тебя не обманывает, – изрек Саймон.

Кто-то должен был что-то сказать, и Саймон почти всегда говорил первым, испытывая тревожное смущение от затянувшегося молчания.

– Милочка, он же любит тебя, – добавила Фрэнсис, хотя ее голосу явно недоставало убежденности.

Джейми молчала. Она все так же сидела, опустив глаза, машинально накручивая на палец прядь своих влажных волос.

Послышался еще один долгий вздох, и когда все повернулись к Марин, она поняла, что вздохнула именно сама.

– Может, и обманывает.

Саймон и Фрэнсис стрельнули в нее суровыми взглядами, но Марин не обратила внимания. Она не собиралась нести чушь и лгать Лайле, говоря то, во что сама не верит, только ради сомнительного успокоения. Ребенок Лайлы *пропал*. Самое меньшее, что они могут сделать, это не пытаться разубедить ее в том, что она знает лучше, чем они.

– Ты ведь знаешь Кайла лучше любого из нас. Если чутье подсказывает тебе, что он изменяет, то не стоит игнорировать свои подозрения. Прости. Ты не заслуживаешь вранья.

По щеке Лайлы скатилась крупная слеза. Фрэнсис протянула ей салфетку.

– Мне следовало давно догадаться... – Лайла всхлипнула, пытаясь подавить слезы. – Кайл не склонен заводить новых друзей. Так же, как и я. Вы прекрасно понимаете, каково нам разговаривать с новыми знакомыми...

Все кивнули, включая Джейми. Да, они-то уж понимают. С новыми знакомыми ужасно сложно. Им неизвестна ваша история, так что придется делать выбор: хочешь ли ты маяться, притворяясь, что у тебя все в порядке, несмотря на то что твой ребенок пропал, – или предпчтешь так же маяться, посвятив их в историю исчезновения? Никакого компромисса тут быть не может, но оба варианта – отстой.

Лайла явно переборщила с кофе. Марин догадалась об этом, видя, как дергаются ее ноги.

– У меня же нет доказательств. Только подозрения.

– А ты не хочешь прямо спросить его об этом? – мягко спросила Марин.

– Не знаю, – Лайла с отрешенным видом начала грызть ноготь большого пальца, точно щенок косточку, – не знаю, что мне делать. Не знаю даже, вправе ли я сердиться на него. Уже два года мы не занимаемся сексом. Черт, может, даже три, не могу вспомнить, когда это было последний раз. По-моему, если я заведу такой разговор, он будет все отрицать. И мы опять поссоримся. Боже, как же я устала от наших ссор...

– У вас ведь законный брак, – решительно возразила Фрэнсис, – и секс с кем-то другим не являлся частью сделки. И плевать, как долго у вас его не было.

– Хотя у мужчин есть определенные потребности, – вставил Саймон.

– Заткнись, – Фрэнсис шлепнула его по ноге.

Марин порадовалась ее реакции, поскольку сама хотела дать ему подзатыльник.

– Не слушай глупости Саймона, – добавила она, взглянув на Лайлу. – Какие бы потребности ни испытывали мужики, поведение Кайла нельзя оправдать. Но тебе не стоит поднимать эту тему, пока не будешь готова.

– А что, если я вообще не смогу поднять ее? – Глаза Лайлы опять заблестели. – Что, если я хочу засунуть голову в песок и смириться с этим? У меня и без того достаточно забот, понимаешь?

– Если ты думаешь, что он изменяет тебе, то должна оставить его, – резко заявила Фрэнсис. – Изменив разок, он уже не остановится.

– Но мы вместе работаем. – Слезы потекли быстрее, проделывая тропинки в макияже и смывая румяна; она смахнула их, отчего стала выглядеть еще хуже. – И у нас двое малышей. Это непросто.

– Я лишь имею в виду, что тебе не стоит оставаться в браке с тем, кто предает тебя, – возразила Фрэнсис, скрестив руки на груди. Она всегда так делала, если считала, что права. – Лучше уж жить одной. Без обид для нашего милого Саймона, но я давно поняла, как хорошо можно жить и без мужчины.

«И что хорошего в такой жизни?» Лайла и Марин обменялись понимающими взглядами. Они обе подумали об одном и том же: у Фрэнсис есть группа поддержки и лавка пончиков, но больше ничего.

– А что, если мне не хочется докапываться до правды? – Лайла опять начала грызть ноготь. – Может, мне не хочется ничего менять? Может, меня все устраивает... Что, если это все, чего я заслуживаю?

– Чушь собачья! – воскликнул Саймон, хотя выражение его лица не соответствовало убедительности восклицания.

Фрэнсис не решилась ничего добавить, и Марин, честно говоря, тоже. Она слишком устала для ободряющей речи, и у нее не осталось сил убеждать Лайлу в том, в чем она не смогла убедить саму себя. Они все точно знали, что она имела в виду. Всем им в этой комнате каж-

додневно приходилось мириться с бременем того, что они сделали: не защитили своих детей. С главнейшей, черт побери, родительской обязанностью.

В общем, нет, они не заслуживают хорошей жизни. Не заслуживают, раз не смогли хорошо позаботиться о детях.

– Ты слишком строга к себе. – Ничего лучшего Марин не придумала и поморщилась, едва с ее языка слетели эти слова. Такие банальные, такие поверхностные... Она понимала, что лучше не высказывать подобные «вдохновляющие» стереотипы.

– А ты – нет? – моментально парировала Лайла, и Марин невольно зажмурилась. – Чего ради ты сама держишься за свой дерьмовый брак? Вы с Дерексом практически не общаетесь. Когда последний раз вы занимались сексом? И ты... – Она перевела пылающий взгляд на Фрэнсис. – Ты не замужем со времен каменного века, и все, с кем ты можешь поговорить, сидят сейчас здесь. Ты – не самый яркий пример того, какой я хочу видеть свою жизнь через пару десятков лет.

– Прекрати, Лайла, – бросил Саймон, взяв очередной пончик, – это некрасиво.

– Ох, а что же *ты* считаешь красивым? Разве тебе удалось сохранить красоту, Саймон? Жена тебя бросила, и ты набрал фунтов двадцать, торча здесь и лопаая пончики! – Она повернулась к Джейми, которая, казалось, съезжилась под ее взглядом: – Вы уверены, что хотите быть здесь? Потому что теперь такие разборки станут и вашей жизнью. Но еще есть время, чтобы отказаться от подобных откровений, если вам они не нужны.

– Эй, – повысила голос Марин.

Одно дело, когда Лайла срывалась на ней и Фрэнсис – они способны справиться с ее выпадами. Саймон... более чувствителен, и если он заплачет, то это будет ужасно для всех. Но нельзя набрасываться на новичка. Все они и без того переживают чертовски трудные времена.

– Я понимаю, что ты злишься, но перестань брызгать ядом. Мы на твоей стороне.

– А я *не хочу* быть на этой стороне, – голос Лайлы задрожал, ее руки тоже. – Не желаю быть здесь, на этой стороне, с вами. Разве вы не способны это понять? Не хочу я такой жизни! И уж тем более не хочу слышать нравоучения от тебя, Марин, потому что если Дерек и не изменяет тебе сейчас, то скоро изменит. Таковы мужики.

– Тпру! Тпру! Попридержите коней! – воздев пухлые ладони, вскричал Саймон. Марин впервые слышала, чтобы он так повысил голос. – Дамы, давайте возьмем тайм-аут.

– Ой, да пошел ты к дьяволу со своими «дамами». – Фрэнсис встала с кресла. Ей явно понадобится сигарета. – Лайла, милая, мирись с чем хочешь, но не надо орать на нас. Я лишь хотела сказать, что у тебя есть выбор, ясно? И ты имеешь право сделать свой выбор. Но оставаясь замужем за изменником из-за мнимого чувства вины в плане похищения твоего ребенка, ты наказываешь не только себя, но и других своих детей. То, что случилось с Девонем, – не твоя вина.

– Но я же опоздала, – с надрывом возразила Лайла. – Опоздала забрать его из школы, а если б не опоздала, его отец не смог бы увезти его, и мой сын оставался бы дома со мной в полной безопасности.

– Нет. Это учителям не следовало его отпускать. – Фрэнсис похлопала себя по карманам в поисках сигарет. Саймон доел свой третий пончик и опять вытер остатки глазури о джинсы.

– Но я же опоздала. *Опоздала*.

– Да, тебя не было, когда Девона увезли, – тихо произнесла Марин, – а я была, когда увели Себастиана. Я стояла рядом с ним.

– Но, Марин, Себастиану же было всего четыре года. Как любой ребенок, он мог отвлечься на что-то и заблудиться. – Измученный голос Саймона вполне соответствовал его виду. – В девяноста девяти и девяти десятых процентах случаев дети просто теряются, и их снова находят. Это не твоя вина. Он ушел, потому что кто-то увел его. Его увел похититель.

Он взглянул на молча плачущую Лайлу.

– А у тебя похитителем стал твой бывший муженек. Ты же думала, что в школе Девон в безопасности. Ведь в школе обязаны обеспечивать безопасность. И твое опоздание ничего не меняет. Если б ты пришла тогда вовремя, он украл бы его в любой другой день.

Все немного помолчали. Они и сами думали об этом раньше, но полезно было услышать это от кого-то другого – и хотя бы ненадолго испытать чувство облегчения.

Марин глянула на Джейми, до сих пор безучастно воспринимавшую услышанное. Это заставило ее задуматься о том, какой же коктейль антидепрессантов принимала их новая подруга по несчастью.

– Десятиминутный перерыв, – объявила Фрэнсис и исчезла с пачкой сигарет в руке за задней дверью прежде, чем кто-то успел вымолвить хоть слово.

Саймон направился в мужской туалет. Лайла, шмыгая носом, поспешила в дамскую комнату. Марин тоже не отказалась бы туда зайти, но имелась только одна дамская комната, а Лайле, естественно, требовалось побыть в одиночестве, чтобы прийти в себя. Встав и потянувшись, Джейми подошла к столику с пончиками, оценила варианты и выбрала с кленовым сиропом. Станет ли он ее любимым? Останется она достаточно надолго, чтобы успеть выбрать то, что ей на самом деле понравится?

Да, их группа действительно производила жутковатое впечатление. Какое же определение опять использовал Сэл? Ах да... *Самобичевание*.

Саймон прав насчет похитителей. Когда Себастиану было всего три года, он убежал от нее однажды в парке аттракционов Страны чудес. После самых долгих пяти минут в мире его привел к ней какой-то незнакомец. Он увидел, что маленький мальчик потерялся в людном парке, и взял на себя смелость помочь ребенку найти свою мать. Потому что тот незнакомец не был ни похитителем, ни педофилом, ни убийцей.

С другой стороны, незнакомец, уведший Себастиана, был именно похитителем. Увидел ли этот незнакомец, что Себастиан заблудился, и решил воспользоваться шансом украсть ребенка, или спланировал это заранее, – в любом случае он стал похитителем, поскольку не вернул Себастиана. В том-то и разница.

Ей до сих пор, хотя прошло почти шестнадцать месяцев, трудно осознать случившееся. Да, Себастиану было всего четыре года, но соображал он хорошо. И его постоянно предупреждали о том, как опасно разговаривать с незнакомцами, что нельзя брать у них игрушки, угощения или любые другие подарки, не посоветовавшись сначала с мамой или папой. Тому же его учили и в дошкольном учреждении.

Но его же увел Санта-Клаус! Детей учат любить Санту, разговаривать с ним, даже если они робеют или боятся, уговаривают их сесть на колени к этому чертовому веселому эльфу и сказать ему, что они хотят на Рождество. В свою очередь, он вознаграждает их сладкой сосулькой. Да, они получали угощение за то, что доверились незнакомцу.

Лайла вернулась с покрасневшими и распухшими глазами, но успокоенной. По пути за очередной чашкой кофе она слегка сжала плечо Марин – так она обычно извинялась. Марин улыбнулась ей, тоже, как обычно, показав, что извинения приняты. Встречаясь каждый месяц, они уже понимали друг друга без слов.

Когда сама Марин вернулась из дамской комнаты, Фрэнсис, уже вновь заняв свое место, начала рассказывать о ночных кошмарах, в которых видела Томаса. Она рассказывала о них на последних встречах, и с каждым разом ее сны становились все страшнее, вынуждая ее просыпаться в поту, стонать и мучительно вздрагивать.

– Он приснился мне прошлой ночью. Половина его лица превратилась в кровавое месиво. Один глаз вывалился из глазницы, обнажилась кость скулы, словно с нее сорвали кожу и...

– Фрэнсис... – прошептала Лайла, зажмурившись, но Саймон быстро шикнул на нее. Джейми, подавшись вперед, слушала точно зачарованная.

– ...и он тянулся ко мне, а я, взяв его за руку, почувствовала, что она совсем холодная. – Лицо Фрэнсис горестно сморщилось, что встревожило их всех; обычно она бывала крайне сдержанна, редко проявляла свои чувства, не говоря уже о страданиях. – И у меня возникло ощущение... словно он пытается сказать мне, что умер... что я должна отпустить его.

– Фрэнсис, – вновь медленно и хрипловато произнесла Лайла, – не надо, Фрэнсис...

Вот это новость. Похоже, они вот-вот потеряют Фрэнсис.

Надежда жива до тех пор, пока ты надеешься. Она – и благословение, и проклятие. Иногда только надеждой и живешь. Она заставляет продолжать держаться, даже когда держаться практически не за что.

Но надежда может быть ужасной. Она заставляет желать и ждать, мечтать о том, что никогда не произойдет в реальности. Это как стеклянная стена между тем, где ты находишься и где ты хочешь быть. Вы можете видеть желанную вам жизнь, но не можете жить в ней. Точно рыба в аквариуме.

– Я жду уже девять лет, – срывающимся голосом добавила Фрэнсис, – и нет никаких причин думать, что Томас когда-нибудь вернется. Может, он попросту сбежал. Даже если б я могла принять, что он ушел по собственному желанию... но ведь его желания бывали такими переменчивыми, ведь он был еще слабохарактерным ребенком. Ему было всего пятнадцать. Он не смог бы выжить на улице. Не продержался бы столько лет в одиночку.

Фрэнсис тяжело вздохнула. Ее глаза оставались сухими, но ведь только внешнее проявление плача определяется наличием слез, а сейчас ее сердце, наверное, тайно обливалось слезами.

– Он же мог позвонить мне. Дал бы мне знать, что с ним все в порядке. Ему уже исполнилось двадцать четыре года. Двадцать четыре... А в моих снах ему по-прежнему пятнадцать. Он так и не вырос. Не знаю, сколько еще я смогу... смогу...

Опередив порыв Марин, Лайла вскочила с кресла и крепко обняла эту бесслезно рыдающую мать. И Марин обняла уже их обеих. Она почувствовала за спиной близость Саймона, но оглянувшись, увидела, что это не Саймон, а Джейми. Их новая подруга молчаливо проливали слезы горестной солидарности. Саймон присоединился к ним через пару мгновений.

Окончательное признание дается трудно, независимо от того, связано ли оно с получением новостей или процессом собственного осознания. Но, может, теперь Фрэнсис удастся встать на путь исцеления.

Когда они все разошлись по комнате, Марин поймала взгляд Саймона. Она догадалась, о чем он думает. Им придется найти новое место для своих глупых и бессмысленных самоубийств в так называемой группе поддержки. Через несколько минут встреча закончилась, и четверо участников, простившись с Фрэнсис, вышли на улицу. Машины Джейми и Марин стояли рядом, и они одновременно нажали на свои брелоки.

– Кошмарненько, верно? – спросила Марин.

Она не пожелала бы для новичка того, что обсуждалось на сегодняшней встрече, и ее совсем не удивит, если больше они никогда не увидят Джейми.

– Да уж, – голос Джейми прозвучал неожиданно мягко, почти с девичьей сентиментальностью, – «кошмарненько», лучше не скажешь. Но знаете... Мне стало гораздо легче. Увидимся в следующем месяце.

Они сели в свои машины, и Марин вдруг уже не впервые подумала, что порой только чья-то боль способна уменьшить ощущение твоего собственного несчастья.

Глава 4

Письмо от частного детектива застало ее врасплох. Секунд семь Марин стояла, словно окаменев, не в силах даже дышать. Она только что вышла из душа. Капли с ее мокрых волос падали на мраморную столешницу, пока она, наклонившись, взирала на имя Ванессы Кастро в почте на экране своего смартфона. Строка темы пустовала.

Она знала, что прошло именно семь секунд, потому что считала их. Досчитав до пяти, вспомнила, что Ванесса Кастро не стала бы писать ей, если б получила плохие новости. Не стала бы сообщать ей в письме, что ее сын умер. Марин сделала вдох, открыла письмо и прочитала его. Всего два предложения.

Привет, у вас есть время встретиться сегодня утром? Я буду в офисе к 10.

Она хочет встретиться? О боже. Какие бы жуткие новости ни планировала сообщить частный детектив, она захотела сделать это во время личной встречи.

Они не улавливались о том, как будут передаваться новости о Себастиане, если они появятся. Они вовсе не обсуждали этого. Ванесса Кастро сказала только – причем просто между прочим – что если она узнает нечто важное, то сразу же позвонит.

Я приеду к вам. М. М.

Прошло четыреста восемьдесят шесть дней. Неужели сегодня ее ждет кошмар?

Нет, не может быть. Их встреча в десять, а сейчас только половина девятого. Если б частный детектив собиралась сообщить, что Себастиан мертв, то не заставила бы Марин ждать такой жуткой новости.

С другой стороны, возможно, так и будет. Если ее сын мертв, то какая разница, узнает ли она новость сейчас или через полтора часа?

Марин пыталась занять свой разум другими мыслями. Перед уходом из спальни она слегка прибралась. Сегодня придет убираться Даниэла, но это не значило, что она должна собирать одежду с пола или заправлять кровать. Это не заняло много времени: на стороне Дерека простыни по-прежнему не тронуты. Вzbивая и без того взбитую подушку, Марин вдруг осознала, что понятия не имела, когда ее муж вернется из деловой поездки сегодня. В своем кратком сообщении накануне вечером он так и не уточнил время. С другой стороны, она не спрашивала. И он не предложил вместе поужинать. А она не предлагала сготовить ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.